

ПОЛТАВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

„Многоскорбная“ Княгиня Праведница, Св. Преподобная Анна Кашинская.

(Продолженіе)

Лѣтописи сохранили мало личныхъ чертъ изъ жизни „многоскорбной“ княгини. Отъ того далекаго прошлаго сохранилось такъ мало письменныхъ документовъ. Въ нихъ только мелькомъ проходитъ величавый образъ Княгини Анны. Почитаемая и любимая, любившая свою семью и пародъ на княжескомъ престолѣ въ монастырской келліи, она явила полноту живой и дѣятельной вѣры и любви къ Богу и ближнимъ. Изъ дали вѣковъ чѣмъ-то бесконечно трогательнымъ вѣетъ отъ многострадальнаго лика этой типичной княгини удѣльнаго періода. Окруженная глубокимъ почитаніемъ при жизни, она оставила по себѣ яркій слѣдъ въ видѣ тѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, которые являются ближайшими по времени жизни уроженцами г. Кашина и его окрестностей. Несомнѣнно, если не они, то ихъ родители пользовались духовнымъ „окормленіемъ“ великой Старицы. Святое сѣмя святой жизни, заропенное примѣромъ подвижницы, принесло многій плодъ въ видѣ приведенія къ вѣчному свѣту ближайшихъ современниковъ ея подвиговъ. Ближайшими по времени жизни являются Богомъ прославленные угодники: св. *Ефремъ Переконскій*, родившійся 20 сентября 1412 г. Домъ его благочестивыхъ родителей находился почти рядомъ съ келліей св. Княгини, и несомнѣнно примѣръ и память ея могли способствовать возникновенію и развитію его и сполненной „жестокаго житія“

подвиговъ жизни. Св. *Савва* Вышерскій, сынъ Кашинскаго боярина Ивана Бороздина, родившійся въ г. Кишинѣ въ 1380 г. Св. *Макарій* Калязинскій, родившійся въ с. Гридцигѣ (или Кожинѣ въ 10 вер. отъ Кашина въ 1400 г.) и его племянникъ св. *Паисій* Угличскій, скончавшійся 107 лѣтъ (въ 1504 г.). Кромѣ нихъ почитаются на мѣстѣ: современникъ княгини, Кашинскій уроженецъ, Тверской епископъ Ѳеодоръ, умершій въ 1367 году, родители преп. Макарія Калязинскаго: Василій и Ирина и его супруга—Елена. Хотя они и не прославлены, какъ святые, но надъ гробами ихъ совершаются панихиды съ вѣрой и надеждой на ихъ небесное дерзновеніе предъ Богомъ—Эти святія имена Богомъ прославлены,—сколько же подвижниковъ явныхъ и тайныхъ остаются намъ неизвѣстными?!

Время небеснаго прославленія св. Анны, когда вспомнили послѣ временнаго забвенія о ея подвигахъ, совпадаетъ со временемъ жизни Кашинскихъ уроженцевъ: св. преп. Діонисія, архим. Троице-Сергіевской Лавры (сконч. въ 1633 г. Родители его жили въ с. Зобнинѣ Кашмискаго у.) и св. Серапіона митр. Сарскаго и Подоискаго *). Отецъ его протоіерей Савва Максимовичъ Сысоевъ настоятельствовавъ въ Кашинскомъ соборѣ. Память его благоговѣнно чтится въ Кашинѣ и Калязинѣ. Несомнѣнно, эти Богу угодившіе подвижники вѣры и благочестія знали о подвигахъ своей землячки. Ея дѣла больше словъ говорили о дѣятельныхъ подвигахъ благочестія и самоотверженія. Въ то время книгъ почти не было, грамотность была слабо развита. О томъ, какъ жить, чтобы Богу угодить, учились по назидательнымъ примѣрамъ. Имъ и явилась Княгиня подвижница. Ея вліяніе на современное общество было, какъ можно полагать, велико. Чтили ее, какъ святую задолго до прославленія, св. иконы ея были въ церковномъ употребленіи. Таковы иконы въ с. Микулѣнѣ-Городищѣ Старицкаго уѣзда и с. Едимоновѣ Корчевскаго уѣзда. Онѣ внесены въ описи церковнаго имущества, составленныя задолго до открытія мощей св. Анны. Въ Едимоновѣ эта древняя икона сохранилась до нынѣ и служить предметомъ благоговѣннаго почитанія.

Прошло 243 года со времени смерти Княгини Подвижницы, и память о ней почти изгладилась. Забыто было и мѣсто ея погребенія. Обветшалъ Успенскій соборъ, гдѣ покоились останки Преподобной. Къ мѣсту ея вѣчнаго покоя относились безъ должнаго

*) Сконч. 2 мая 1633 г.

уваженія На гробницу складывали шапки и одежду, усталые богомольцы даже позволяли себѣ присаживаться на него. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока сама Святая не напомнила о себѣ.

Давно миновали годы татарской неволи. Наступили времена междоусобицы и безпорядка въ землѣ русской. Въ Царствованіе Василя Ивановича Шуйскаго *) поляки большими толпами разбрелись по русской землѣ и, пользуясь беззащитностью ея жителей, чинили своеволя и разбои. Кашинь находился невдалекѣ отъ главнаго мѣста дѣйствій сильной литовской рати, и его обитатели неоднократно подвергались опасности. Однажды поляки вторглись въ городъ и произвели въ немъ не малый разоръ. Спусти пѣкоторое время они въ большомъ количествѣ пѣсколько разъ появлялись у города, но вскорѣ удалялись, не причинивъ ему вреда. Такое необычное обстоятельство должно было привести Кашинцевъ къ выводу, что ихъ городъ находится подъ чьею-то высшею защитою и небеснымъ покровомъ. Послѣдовавшее затѣмъ явленіе пономарю Успенской церкви Герасиму въ 1611 году показало Кашинцамъ, кому они обязаны своимъ благополучіемъ. Объ этомъ видѣніи со словъ старца Варлаама, въ мѣрѣ Василя Игумнова священника, а до того дьячка Успенской церкви записано такъ: „Въ прошломъ году, а въ которомъ того не упомянуть, въ приходъ литовскихъ людей Кашинь городъ былъ въ осадѣ **). Въ то осадное время, при отцѣ его, Варлаамовѣ, при священникѣ Василѣ, явилась благовѣрная княгиня Анна Кашинская Успенскаго собора пономарю Герасиму, во сновидѣніи. А онъ пономарь, въ то время лежалъ великою болѣзнію близъ смерти. А въ явленіи о себѣ ему благовѣрная великая княгиня Анна велѣла о себѣ возвѣстить священнику, чтобы надъ гробомъ ея предъ образомъ Спасовымъ Нерукотворнаго свѣчи палили и литіи пѣли, и гробъ ея почитали, и на гробницѣ ея не садились, и шапокъ не клали. А она, благовѣрная княгиня, молитъ Всемилостиваго Спаса и Пресвятую Богородицу объ избавленіи града отъ иноплемennныхъ. И пономарь Герасимъ того видѣніи священнику не извѣстивъ помѣнію, что то неистинно. И она, благовѣрная великая княгиня Анна, явилась ему же, пономарю Герасиму послѣ того вскорѣ, во сновидѣніи второй разъ. И онъ, пономарь Герасимъ, во второмъ явленіи Варлаамову отцу, священнику Василю извѣстивъ и отъ болѣзни своей оздравѣлъ. И отецъ его Варлаама, священникъ Василій про

*) 1606—1610 г.

**) 1611 г.

то видѣніе людемъ извѣщаль и приказываль, чтобы гробъ ея, великія Княгини, почитали, на немъ бы не сядились и шапокъ не клали, а онъ старецъ Варлаамъ въ то время былъ дьячкомъ“.

Такимъ образомъ сказала о себѣ Кашиицамъ св. Княгиня Анна. Съ той поры къ ея памяти и мѣсту упокоенія стали относиться съ благоговѣніемъ и чествовать праведницу пѣніемъ панихидъ. Около ея гроба совершались чудеса. Знатный бояринъ и царскій родственникъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ, проѣздомъ на поклоненіе мощамъ св. Александру Свирскому *), заѣхаль по дорогѣ въ Кашииъ. Здѣсь ему рассказали о чудесахъ по молитвамъ св. Анны. Сдѣлалось это извѣстнымъ и думному дяку Ивану Гаврилову. Оба они велѣли причту Успенскаго собора и именитымъ людемъ „бить челомъ и извѣстить великому Государю“ Михаилу Ѳеодоровичу. Вскорѣ по полученіи челобитной онъ скончался. **) Его сынъ и преемникъ Алексѣй Михайловичъ, по благословенію патріарха Іосифа, приказаль избранной имъ Комиссіи освидѣтельствовать мощи св. Анны. Ей поручено это сдѣлать „по подлиннѣе со испытствомъ, было бы что Великому Государю доложить“. Въ составъ этой комиссіи вошли: мѣстный (Тверской) архіепископъ Іона и присланные изъ Москвы: архимандритъ Андроникова монастыря Сильвестръ и игуменъ Даниловскаго монастыря Іоаннъ. 21 іюля 1649 года Комиссія „гробъ открывала и мощей досматривала“, и оказалось, что они „нетлѣны, только тлѣнію предалась часть малая носа, да у ногъ плюснѣ“. Въ томъ же году въ Москвѣ состоялся соборъ, гдѣ Св. Княгиня была причислена къ лику святыхъ. Тогда же ей было установлено празднованіе въ дни 2 октября блаженной кончины и 21 іюля обрѣтенія честныхъ мощей. Знаменитый ученый того времени Епифаній Славинецкій составилъ службу. Царь и его семья съ благоговѣніемъ относились къ памяти Праведницы. Въ слѣдующемъ (1650) году изъ Св. Троицкой лавры Царь и вся его семья отправились въ Кашииъ на богомолье. Съ нимъ отправился преосвященный Варлаамъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій вмѣстѣ съ Государемъ онъ „мощи благовѣрныхъ великія Княгини Анны досматриваль. И по досмотру изъ подъ Соборныя Успенія деревянныя церкви перенесли въ соборную Воскресенскую каменную церковь и обязавъ, запечатавъ гробъ свои,

*) Св. Александръ Свирскій род. 1448 г., умеръ 30 августа 1533. По стриженникъ Валаамской обители, онъ основаль монастырь на берегахъ р. Свири. Хотя ему повсемѣстное празднованіе установлено съ 1547 г. но св. мощи открыты въ 1641 году.

**) 12 іюня 1645 г.

ми государственными печатями. А въ перенесеніи гробъ съ мощами Великій Государь несъ самъ на рамахъ (плечахъ) своихъ съ боярами. А несли тотъ каменный гробъ съ мощами на деревянномъ одрѣ, и тотъ одръ и нынѣ въ цѣлости. И во время перенесенія было съ гроба великія Княгини Анны исцѣленіе Кашинскаго губного старосты Петра Скобѣля снохи *) (по имени) Анны отъ бѣсноватыя болѣзни, и была она въ той скорби 3 года». Въ повѣсти „о перенесеніи мощей“, приложенной къ древнему рукописному житію рассказывается и о другомъ, совершившемся тогда, чудѣ. Когда гробъ былъ внесенъ на паперть Воскресенскаго собора, несшіе вдругъ остановились и не могли двинуться далѣе. Тогда царь обратился къ Преподобной съ молитвою, въ которой просилъ пребывать въ Воскресенскомъ храмѣ до тѣхъ поръ, пока онъ на мѣстѣ обрѣтенія св. мощей не соорудитъ каменнаго. Послѣ этого гробъ со святыми мощами безъ затрудненій былъ внесенъ въ церковь «съ молебными пѣніями Господу Богу, Пресвятой Богородицѣ и Его угодницѣ Аннѣ» и поставленъ съ правой стороны, у столба вблизи алтаря. Это перенесеніе мощей совершилось 12 іюня 1650 года. Царь пробылъ въ Кашинѣ нѣсколько дней. Въ это время онъ раздавалъ обильную милостыню и приказалъ соборному іерею Василю Игумнову вмѣсто деревяннаго строить каменный Успенскій соборъ съ придѣломъ „во имя преподобнаго и благовѣрнаго Княгини Анны“. Во второй половинѣ 1676 г. „чудный въ строителствѣ, благоговѣйный и теплый вѣрою“ іерей привелъ царское повелѣніе въ исполненіе. Царь и народъ объединились въ чувствахъ почитанія и благоговѣйнаго поклоненія новоявленной святой, въ то же время возникъ вопросъ о составленіи житія св. Анны. „Пріѣзжаютъ ко гробу благовѣрнаго великія княгини, многіе богомольцы, а житія ея у нихъ нѣтъ и показать нечего“. Такъ какъ въ Кашинѣ способныхъ людей для этого дѣла не оказалось, то іерей Василій Игумновъ отправилъ своего сына Никифора въ Соловецкій монастырь, чтобы тамъ „списали“ житіе. Въ то время грамотность сосредоточивалась въ монастыряхъ, и потому естественна просьба къ носителямъ просвѣщенія того времени. Этому благопріятствовали и внѣшнія условія. Въ мартѣ 1652 г. Царь отправилъ въ Соловецкій монастырь посольство подъ начальствомъ Новгород-

*) Губной староста въ XVI и XVII вѣкахъ выборная должность, представители которой первоначально вѣдали только уголовныя дѣла, а впоследствии стали исполнять и другія порученія правительства по административной части. Сноха—жена сына (по отношенію къ родителямъ его).

скаго митрополита, в послѣдствіи всероссійскаго патріарха, Никона для перенесенія мощей святителя Филиппа въ Москву. За этимъ посольствомъ двинулись богомольцы, въ числѣ могъ быть и Никифоръ. Пользуясь пребываніемъ въ Соловкахъ, онъ обратился къ „уставщику старцу Никодиму“, а этотъ поручилъ это дѣло старцу Игнатію. Послѣдній удовлетворилъ просьбу. В послѣдствіи трудъ Игнатія Никифоръ дополнилъ описаніемъ „чудесъ“. Царицы и царевны трудились надъ шитьевъ покрововъ ко гробу княгини, и теперь у гроба ея сохраняются три драгоценныя шитые воздухи и два покрыва на ея мощи. На покрывахъ вышиты изображеніе схимонахини Анны съ молитвеннымъ къ ней обращеніемъ. Частицы мощей св. Анны, какъ и ея святыя иконы, были предметомъ благоговѣйнаго почитанія. Имени ея были посвящаемы престола. Ея именемъ нарекались повокрещенные. Въ продолженіе своего Царствованія Алексѣй Михайловичъ неоднократно выражалъ знаки своего почитанія Преподобной. Такъ, въ 1666 г., казенному приказу данъ былъ именной указъ „сдѣлать благовѣрной Княгинѣ Аннѣ Кашинской въ раку серебрянную золоченную чеканную тюмечекъ таѣяной черной и послать въ немъ бумагою хлопчатою и выстегать, а въ раку выноди оклентъ сукномъ чернымъ. А устроивши эту раку, указалъ великій Государь изъ оружейныя палаты послать въ Кашинъ на положеніе благовѣрной великой Княгини Анны“.

Въ продолженіе 28 лѣтъ совершалось церковное чествованіе св. Анны. Вѣрующій Православный людъ притекалъ къ ея гробу и по вѣрѣ получалъ просимое. Записи чудесъ увеличились новыми знаменіями Божіей милости по молитвамъ Преподобной. И вотъ совершилось, по словамъ авторитетнаго церковнаго историка архіеп. Димитрія, „необычное и досель“ недостаточно уясненное событіе.

То время отмѣчено смутой въ нашей церковной исторіи. Патріаршество Никона оставило по себѣ память исправленіемъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало отпаденіе отъ Церкви сотенъ вѣрующихъ изъ-за двуперстія, сугубой аллилуіи, начертанія имени „Исусъ“ и т. д. Современная религіозная жизнь получила нездоровое направленіе. Малообразованные составители назидательныхъ разсказовъ и житій святыхъ вносили множество непровѣренныхъ изустныхъ сказаній, а, за отсутствіемъ послѣднихъ, часто украшали свои „списанія“ собственными измышленіями и передѣлками изъ другихъ житій. Въ виду этого при патріархѣ Іоакимѣ нѣкоторыя житія были подвергнуты

тщательному разсмотрѣнію, и тѣ святые, въ житіяхъ которыхъ найдены какія нибудь „несходства“, или историческія погрѣшности, были подвергнуты своего рода остракизму большей или меньшей степени. Такъ было сдѣлано со св. Евфросимомъ Псковскимъ. Житіе его было составлено въ защиту двоенія аллилуіа, и патріархъ умалилъ ему церковное празднованіе, изъ святыхъ общецерковныхъ, коему была положена особая служба съ поіеліемъ, онъ перечислилъ въ разрядъ мѣстныхъ. Служба ему изъ мѣсячной мисси изъята. Празднованія Св. Евдокіи, въ монашество Евфросиніи, (супруги великаго Князя Дмитрія Иваловича Донского) и св. ки Даніилу, сыну св. Александра Невскаго, были отмѣнены *) Въмѣсто молебновъ предписано было совершать по нихъ панихиды. И только въ минувшемъ вѣкѣ церковное чествованіе ихъ было восстановлено, и теперь они почитаются, какъ святые. Такому-же, если не гораздо большему гоненію подверглось не только житіе и его составители, но и самая личность св. Анны. Это «дѣяніе» завершилось безпримѣрнымъ фактомъ—исключеніемъ церковнаго чествованія святой, установленнаго соборнымъ опредѣленіемъ. Въ историческомъ порядкѣ это дѣло представляется такъ: Молодой Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, вскорѣ по восшествіи на престоль, пожелалъ поклониться Благовѣрной Отъ 25 ноября 1676 г. сохранилось донесеніе воеводы о томъ, что онъ принялъ мѣры къ исправности дорогъ и мостовъ. 5 декабря того-же года данъ Указъ объ отпускѣ лучшаго англійскаго сукна темно-зеленаго цвѣта для чехла на раку Преподобной. Съ нетерпѣніемъ Кашиницы ожидали у себя высокаго гостя. Но вмѣсто него въ февралѣ слѣдующаго года прибыла Комиссія ради достовѣрнѣйшаго досмотрѣнія мощей благовѣрныхъ Княгини Анны Кашинскія и испытанія «ради чудесъ во свидѣтельство извѣстное». Эта комиссія состояла изъ митрополита Рязанскаго Іосифа, тверскаго архіепископа Симеона, архимандрита Варсанофія и Протоіеря Іоанна Лазарева. Цѣлую недѣлю она работала, и въ результатъ получился „досмотръ написанъ за своими руками“. Въ томъ же мѣсяцѣ патріархъ составилъ въ своей крестовой палатѣ соборъ изъ находившихся въ то время въ Москвѣ пяти епископовъ, присоединивъ одного архимандрита. Этотъ соборъ подвергъ тщательному, но предвзятому, разсмотрѣнію и сравненію житія съ лѣтописями и степенною книгою **) Резуль-

*) Быть можетъ потому, что не сохранилось подробностей относительно канонизаціи ихъ.

**) Степенная книга выписки изъ русскихъ лѣтописей по княженіямъ. Начата она св. митрополитомъ Кипріаномъ (16 сент. 1406), приведена въ порядокъ митроп. Макаріемъ (31 дек. 1563 г.)

татомъ работъ его явился актъ, въ которомъ перечислены 13 „несогласій“ житія съ лѣсописными сказаніями. обстоятельному разбору ихъ несостоятельности посвящены статьи въ духовныхъ журналахъ *), а посему мы не останавливаемся на этомъ. Соборъ запоздрилъ самую историчность личности св. Анны. „Въ житіи семь не мало, но много писано неправды и того ради аще бы отчасти нѣчто было и праведно писано, ни въ чемъ же ему вѣрити подобаеть“. Посему соборъ опредѣлилъ: гробъ съ мощами блаженной Княгини запечатать архіерейскими печатами, за святую ея не почитать, образовъ не писать, „до совершеннаго великаго собора разсужденія“, празднества не совершать, молебновъ не пѣть, а только панихиды, „церковь же во имя великія Княгини Анны освященную“ зачереть и запечатать. Житіе и сказаніе о чудесахъ изъять изъ употребленія „до времени великаго собора всѣхъ архіереевъ и до подлиннаго извѣщенія, егда аще чимъ впродъ Богъ объявитъ и утвердитъ“.

Послѣ такого опредѣленія Собора, путешествіе Царя для поклоненія Преподобной не состоялось.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ день Св. Троицы.

Какъ и Рождество Христово, и Пасха, праздникъ Св. Троицы есть наиболѣе любимый и почитаемый у насъ праздникъ. Какъ и Рождество, и Пасха, праздникъ Св. Троицы имѣеть тоже свои особенности. Главныя изъ этихъ особенностей слѣдующія: первая—та, что въ эти дни св. храмы, дома, дворы и даже кладбища украшаютъ деревьями, цвѣтами и всякою зеленью; а вторая та, что на Троицу вечерня служится не вечеромъ, а прибавляется къ обѣднѣ (литургіи), и на ней трижды читаются особыя молитвы, каковыхъ нѣтъ ни на какой другой вечернѣ.

Обычай въ Троицкіе праздники украшать зеленью храмы и дома—очень древній обычай. Дѣло въ томъ, что Духъ Св. сошелъ на апостоловъ въ день Еврейской Пятидесятницы,—въ тотъ день, когда Евреи украшали зеленью храмъ, синагоги и дома свои—въ память того, что Господь далъ Св. Свой законъ на Синайской горѣ, которая покрыта была всякой зеленью. Такъ какъ домъ св. апостоловъ тоже былъ украшенъ зеленью при сошествіи на нихъ Св. Духа, то отъ

**) «Церк. Вѣд. за 1908 г. №№ ст. свящ. Архангелова. «Странникъ» за 1900 г., т. II стр. 387—8.

нихъ этотъ обычай перешелъ и въ Церковь христіанскую. Но и помимо того обычай этотъ прекрасенъ, очень разуменъ и такъ много говорить душъ нашей...

Всѣмъ извѣстно, что, даже при самой ранней Пасхѣ, къ Св. Троицѣ вся природа успѣваетъ совсѣмъ перемѣниться и оживиться послѣ зимы: земля покрывается травой и цвѣтами, нивы радуютъ очи зелеными хлѣбами, лѣса и сады одѣваются листьями и красуются древесными цвѣтами; повсюду — жизнь, движеніе, благоуханіе, красота... А кто же движетъ, обновляетъ и оживляетъ всѣхъ и все?—Господь Богъ, а главнымъ образомъ—тотъ Духъ Св., праздникъ Котораго въ это время совершается. Онъ управляетъ въ этомъ мірѣ, и все въ немъ обновляетъ, оживляетъ и поддерживаетъ. А потому долгъ зависимости и благодарности невольно влечетъ насъ въ эти праздники принести и посвятить Господу Богу начатки оживленной Имъ, расцвѣтающей природы, начатки весенней растительности. Но эти зеленныя вѣтки, эти душистые цвѣты и травки напоминаютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о нашемъ будущемъ воскресеніи. Какъ всѣ они ожили, какъ бы воскресли послѣ холодной, мертвой, безжизненной зимы, —жили по милости и всемогущей силѣ Господа Бога; такъ оживемъ, воскресемъ и мы всѣ тою-же всемогущей силою Господа Бога для жизни будущей, нескончаемой, — блаженной для праведныхъ и мучительной для грѣшниковъ... А если мы воскресемъ для жизни будущей, нескончаемой, то чтобы достигнуть въ оной блаженства, спасенія, для этого, братіе, нужно намъ цвѣсти и благоухать добрыми дѣлами и богоугодною жизнію такъ-же, какъ цвѣтутъ и пахнутъ эти вѣточки и цвѣты.

Вторая особенность праздника Св. Троицы—та, что въ этотъ день вечерня служится не вечеромъ, а утромъ—вслѣдъ за обѣдней (литургіею), и что на этой вечернѣ трижды читаютъ особыя молитвы. Молитвы тѣ составлены Св. Василиемъ Великимъ и читаютъ съ преклоненіемъ колѣнъ. Всѣхъ молитвъ тѣхъ семь, но въ честь Пресвятой Троицы онѣ раздѣлены на три части. Въ тѣхъ трогательныхъ, умиленныхъ молитвахъ Св. Церковь трижды и колѣннопреклонно—словами Великаго Святителя молить Господа Бога о низпосланіи всѣмъ вѣрнымъ чадамъ ея Духа Св. для ихъ очищенія, освященія, просвѣщенія и утвержденія въ любви, добрѣ и правдѣ,—молить потому, что Духъ Св. необходимъ для нашей жизни душевной такъ-же, какъ воздухъ необходимъ для жизни тѣлесной: безъ воздуха погибаетъ тѣло, а безъ Духа Св. погибаетъ душа. Но не объ однихъ живыхъ ча-

дахъ своихъ молится сегодня Св. мать наша—Церковь Христова: не забываетъ она въ этотъ вѣчный и священный день и чадъ умершихъ,—и усердно молить она Господа Бога даровать ослабу и упокоеніе всѣмъ христіанамъ, умершимъ съ вѣрою и покаяніемъ. Всѣ эти моленія, по уставу Св. Церкви, положено совершать на вечернѣ; а потому, чтобы вознести ихъ Господу сердцемъ чистымъ и умомъ бодрымъ, трезвеннымъ, не послѣ пищи и питья, самая вечерня эта перенесена на утро и служится вслѣдъ за обѣднею.

Вечерня эта сейчасъ начинается. Помолимся же, братіе, отъ всей души и со всѣмъ усердіемъ о низпосланіи намъ—живымъ—Духа мудрости и силы, Духа правды и Страху Божію, Духа любви и чистоты, и о дарованіи нашимъ дорогимъ покойникомъ, спасенія, покоя, ослабы и отрады въ загробныхъ обителяхъ! А чтобы Господь услышалъ насъ и даровалъ намъ просимое, для этого, кромѣ сей молитвы церковной, постараемся и самыя святки эти провести свято, безпорочно и безгрѣшно. Исполни же, Господи Боже, наши мольбы и желанія!—Аминь.

С. К.

Слово живого духа.

Принимая во вниманіе всеобщій интересъ къ современному пастырскому слову, коснемся той стороны этого дѣла, которая не дается никакими гомилетическими теоріями. Это—личное обаяніе проповѣдника, его духъ, какъ совокупность способностей и свойствъ, которыя въ слушателяхъ пробуждаютъ интересъ, расположеніе и довѣріе къ нему.

Не подлежитъ сомнѣнію, что каждый проповѣдникъ стремится окружить себя атмосферою довѣрія, расположенія и уваженія въ средѣ слушателей. Въ этомъ стремленіи нѣтъ ничего дурного, оно вполне нормально, и при удачѣ его осуществленія, живое слово способно подчинить умъ, сердце

и волю ихъ. И большую погрѣшность дѣлають тѣ, кто мало обращаютъ вниманія на эту сторону.

Цѣликомъ принимаемъ то положеніе, что живая и дѣйственная проповѣдь свое содержаніе должна черпать „изъ жизни людей съ ихъ скорбями, радостями, заботами, невзгодами, томленіемъ духа“; но не можемъ не указать на нѣкоторую односторонность, туманность и неопредѣленность этого взгляда, затрогивающаго преимущественно объективную, внѣшнюю сторону проповѣди. Недостаточно только войти въ жизнь, недостаточно одно критическое отношеніе и участіе въ ней для того, чтобы сказать свое слово-сужденіе о каждомъ изъ явленій реальному, а не абстрактному слушателю. Необходимо еще этому слову сообщить теплоту, силу и мощь собственнаго духа проповѣдника. Въ этомъ заключается „утраченный ключъ къ уразумѣнію психики слушателя и умѣнія покорять его“, отъ этого, намъ кажется, главнымъ образомъ зависитъ успѣхъ проповѣди. Древніе и новые златоусты—нѣтъ нужды приводить здѣсь имена ихъ—краснорѣчивѣе всякихъ словъ подтверждаютъ истинность нашего взгляда.

Не талантъ и краснорѣчіе ихъ покоряли души слушателей, а сила и величіе ихъ внутренняго огня, которымъ они горѣли сами, возгрѣвая его и въ своихъ слушателяхъ.

Нужна особенная твердость духа, орлиный полетъ мысли, нравственная чистота и интенсивность чувства, чтобы овладѣть народною душою и, протянувъ невидимыя нити, незамѣтно слиться съ нею воедино, чтобы держать ее, сколько понадобится, въ напряженномъ вниманіи и подчиненіи слову. Нуженъ тяжелый и неустанный трудъ критической оцѣнки своихъ и чужихъ переживаній, чтобы лучъ свѣта, постоянно предносясь сознанію проповѣдника, указывалъ вѣрный путь все дальше и дальше, освѣщая неизбѣжныя ошибки испробованныхъ опытовъ, согрѣвая душу и вливаясь радужнымъ снопомъ въ сердце самого сѣятеля, чистоты, добра и правды.

Зная, въ чемъ заключались прежнія ошибки, дальнѣйшій путь намъ покажется въ новомъ, бодрящемъ свѣтѣ, и мы спокойно, смѣло и безбоязненно пойдѣмъ къ ясно намѣченному цѣлямъ; ощутимъ въ себѣ желаніе, силу и способность

къ пастырскому дѣланію путемъ слова на нивѣ Божіей. Важно почувствовать и развить прежде всего въ себѣ потребность вѣчныхъ и неизблемыхъ началъ, чтобы потомъ удѣлять отъ своего источника окружающимъ насъ людямъ.

Мы не претендуемъ на признаніе новизны и оригинальности нашихъ мыслей, желаемъ быть лишь искренними и высказать свое твердое убѣжденіе.

Черпайте откуда хотите матеріаль для живого слова, но не забывайте апостольскаго наставленія: „духа не угашайте“. Возгрѣвайте духъ! Великое дѣло—живое слово, но оно вѣдь—только вѣяніе духа жива. Этого-то послѣдняго должно быть болѣе у насъ, духовныхъ вождей народа.

Господи! мы не имѣемъ часто и *почерпала* для воды живой, а *колодезь глубокъ*, о, какъ глубокъ!..

Священникъ А. Виноградскій.

Къ вопросу объ оживленіи церковной проповѣди.

(Старыя истины).

Въ № 1 „Проповѣдническаго Листка“, издаваемого при „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, въ обращеніи „къ читателямъ“, редакция „Вѣдомостей“ изложила тѣ задачи и цѣли, которыя она имѣетъ въ виду выполнить посредствомъ изданія „Листка“. Изданіе „Пропов. Листка“ предполагается на непродолжительный срокъ времени, въ видѣ пробы, до окончательнаго разрѣшенія вопроса о его существованіи на Епархіальномъ Сѣздѣ духовенства.

Подобное начинаніе редакціи „Епарх. Вѣдомостей“ какъ нельзя болѣе своевременно и остается только горячо привѣтствовать его, такъ какъ задачи, поставленныя редакціей на разрѣшеніе, давно уже назрѣли и ожидаютъ по крайней мѣрѣ возможнаго и сильнаго ихъ рѣшенія и осуществленія.

Церковная проповѣдь—живое дѣло. Она безусловно должна выйти изъ того состоянія, въ которомъ, нужно признаться, находится у насъ въ настоящее время, изъ состоянія

паблона, схоластики, мертвящаго формализма и, зачастую, официальной принужденности. Пастырь всегда долженъ помнить о своемъ прямомъ назначеніи быть проповѣдникомъ ученія Христа и вмѣстѣ съ тѣмъ радѣть о плодотворности своей высокой дѣятельности, а для этого онъ долженъ создать всѣ необходимыя къ тому и благопріятствующія условія, тѣмъ болѣе, что наше время есть время особеннаго оживленія религіозной мысли и импульса, возбужденія духовной жизни.

Пастырь-проповѣдникъ, желая стоять на высотѣ своего призванія, долженъ начать прежде всего съ работы надъ самимъ собою. Онъ обязанъ глубоко познать и всецѣло проникнуться духомъ Христова ученія, возрастить свои духовныя способности, развить умъ, облагородить сердце, укрѣпить волю, однимъ словомъ обогатить свой внутренній міръ и во всемъ поступать согласно своему званію, такъ какъ при такомъ только условіи слово его будетъ вѣскимъ, содержательнымъ, продуманнымъ, прочувствованнымъ и назидательнымъ, да инымъ и не можетъ быть, потому что онъ будетъ разсуждать своимъ умомъ, чувствовать собственнымъ сердцемъ.

Вторымъ важнымъ условіемъ силы и жизненности пастырскаго слова является необходимое для пастыря-проповѣдника знаніе психики аудиторіи, ея духовныхъ запросовъ, потребностей, условій быта и положенія, вообще болѣе или менѣе опредѣленное пониманіе окружающей его обстановки и духа времени.

Вотъ два кардинальныхъ условія, при наличности которыхъ пастырю-проповѣднику легко будетъ справиться съ важною задачею воспитанія людей въ духѣ Христіанской жизни и морали посредствомъ слова, такъ какъ слово его будетъ дѣйственнымъ, авторитетнымъ, жизненнымъ, идущимъ отъ сердца къ сердцу.

Никакое краснорѣчіе и лучшія правила риторики не способны сами по себѣ сдѣлать проповѣдь живою, если она бѣдна содержаніемъ, жизненной правдой, не продумана и не прочувствована самимъ авторомъ, не является кровью и со-

комъ сердца проповѣдника, если онъ въ ней не подходитъ къ жизни. Она явится не болѣе, какъ пустословіемъ, красивою шумихой, миндальной шелухой, не имѣющей ровно никакой цѣнности. Такая проповѣдь подобна картинѣ, блещущей свѣтлыми красками, ласкающей глазъ мягкими и нѣжными тонами, но бѣдной идеей и потому не оставляющей глубокаго впечатлѣнія.

Какъ ни красива и изящна рама, но что въ ней, если она пуста, или въ нее вправлена бѣдная содержаніемъ, ничтожная картина! Самая простая, безыскусственная, по са-мобытная, оригинальная проповѣдь, являющаяся плодомъ собственныхъ ума и сердца, знанія людей и окружающей жизни во сто кратъ цѣннѣе, жизненнѣе и плодотворнѣе прекрасно построенной и блестящей съ внѣшней стороны.

Итакъ, если пастырь-проповѣдникъ заботится о своемъ духовномъ совершенствованіи и преуспѣяніи и вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ наблюдать окружающую жизнь и людей, размышляя обо всемъ происходящемъ передъ его глазами, тогда словъ о томъ, что нашей проповѣди не достаетъ „чего-то“, какого-то „жизненнаго элексира“, какъ говорить о. Короповъ въ своей статьѣ „Нивы зажелтѣли“, не можетъ быть, тогда пастырю не придется искать слушателя и изыскивать средствъ для его „покоренія“. Послѣдній самъ пойдетъ навстрѣчу живому слову, и равнодушная, обычно, аудиторія превратится въ мыслящее и чувствующее собраніе глубоко и серьезно захваченныхъ слушателей. А пастырю-проповѣднику съ каждымъ его шагомъ будетъ отраднѣе видѣть не только созрѣвающую ниву, сулящую прекрасный урожай, но и сознавать, что въ ожидаемой богатой жатвѣ есть значительная доля его участія по обработкѣ и культурѣ духовной нивы. Въ противномъ же случаѣ за пастыремъ-проповѣдникомъ останется навсегда эпитетъ „хорошаго чтеца“ во мнѣніи простого народа, а въ глазахъ интеллигенціи способнаго проповѣдника и больше ничего.

Нужно признаться въ томъ, что уже пріѣлось трактовать, читать и выслушивать подобныя простыя, старыя и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко непреложныя истины, но что же сдѣлаешь... Роковую точку, очевидно, трудно перейти.

Что же касается второй цѣли, поставленной редакціей „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ при изданіи „Проповѣдническаго Листка“, именно: „предоставить духовенству проповѣдническій матеріаль, которымъ оно могло бы воспользоваться при составленіи проповѣдей“, то едва-ли кто-либо станеть отрицать желательность имѣть таковой, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый, мы полагаемъ, вправѣ претендовать на болѣе или менѣе лучшее, пригодное и цѣнное изъ опытовъ мѣстнаго проповѣдничества, принимая во вниманіе то, что въ настоящее время пользованіе лучшими образцами отечественнаго проповѣдничества не представляетъ ужь большой затруднительности, вслѣдствіе значительнаго роста и болѣе или менѣе доступности ихъ, а такъ же имѣя въ виду, что при, очевидно, остро стоящемъ вопросѣ въ финансовомъ отношеніи по изданію „Листка“, страницы послѣдняго не могутъ быть мѣстомъ для упражненій въ писаніи проповѣдей.

Насколько редакціи удастся выполнить эту практическую цѣль, конечно, это будетъ зависѣть въ значительной степени отъ внимательнаго, живого и серьезнаго отношенія къ дѣлу самого духовенства, но мы не можемъ здѣсь обойти молчаніемъ того, что вышедшія уже проповѣди въ двухъ первыхъ номерахъ „Листка“ оставляютъ ожидать много и много лучшаго въ смыслѣ богатства содержанія и назидательности, не говоря уже о томъ, что инныя проповѣди въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишены самостоятельной работы, какъ напримѣръ. „Слово въ недѣлю жень мироносицъ“, которое является по меньшей мѣрѣ смѣлымъ плагиатомъ *). Я не говорю о заимствованіи чужой идеи, ибо „условія преемственности духовной жизни таковы, что безъ этого невозможно никакое чело-вѣческое творчество“, какъ говоритъ А. Горнфельдъ **), но вносить цѣликомъ чужія выраженія безъ указанія источника, заимствовать чужую форму изложенія, ловко подтасовывая и переплетая со своею и присваивать ее себѣ,—значить не

*) Нѣкоторыя мѣста цѣликомъ списаны со «Слова въ недѣлю св. мироносицъ» профессора Ярославской Семинаріи Василія Орлова. См. «Сборникъ образцовыхъ проповѣдей», „Съ церковнаго Амвона“, II выпускъ, Москва.

***) Энцикл. Словарь Брокг. и Ефрона т. 23-й.

дорожить довѣріемъ читателя, поступать по меньшей мѣрѣ рѣшительно. Идея—общее достояніе, но стиль является выраженіемъ индивидуальности извѣстнаго писателя и его принадлежности.

Дай же Богъ успѣха въ дѣлѣ развитія и оживленія нашей церковной проповѣди!

Димитрій Власенко.

Воодушевленное начало Пастырско-Миссіонерскаго Круга.

Не смотря на жаркое время посѣва, 13-е апрѣля въ Андреевскихъ хуторахъ было очевиднымъ народно-пастырскимъ праздникомъ: около двухъ десятковъ пастырей, подъ предствительствомъ Градскаго Протоіерея о. Щитинскаго, предъ открытіемъ Пастырско-Миссіонерскаго Круга молились все возвращающему Богу объ успѣхѣхъ своего начинанія вмѣстѣ въ тысячей—двумя православнаго народа, покинувшаго ради этого свои срочныя полевыя работы. Когда были закончены и Литургія, и молебень объ обращеніи заблуждшихъ, не смотря на половину второго по полудни, народъ, какъ бы недовольный прекращеніемъ благовѣйной молитвы, все еще стоялъ...

Въ 3 часа дня собравшіеся пастыри и остальные члены Круга тропаремъ „Христосъ воскресъ“ открыли свои занятія. Отнесшись съ полнымъ одобреніемъ къ общимъ задачамъ Круга „вызвать у духовенства живой интересъ къ миссіонерскому дѣлу, пріободрить его, создать болѣе или менѣе благоприятныя условія для изученія миссіонерскаго дѣла и для веденія его въ приходахъ и, наконецъ, въ противовѣсь сектантскимъ, такъ называемымъ, конференціямъ сплотить доброе пастырство въ грозную силу, готовую дать достаточный отпоръ всякому противъ насъ походу“—Кругокъ сразу же занялся уясненіемъ ближайшихъ для себя задачъ, руководясь утвержденной Его Преосвященствомъ программой.

По первому пункту программы („обстоятельное изученіе священнаго Писанія“) Кругокъ постановилъ для себя изучать книги священнаго Писанія по порядку съ точки зрѣнія

тѣхъ запросовъ, какіе предъявляются современными противъ Церкви и вѣры движеніями; призналъ также необходимымъ, не зависимо отъ сего, заниматься разрѣшеніемъ неотложныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ сектантствомъ, на основаніи всѣхъ книгъ священнаго Писанія. Къ слѣдующему собранію намѣчены: 1) изученіе книги „Бытіе“, съ особымъ вниманіемъ на содержаніе догматовъ, нравственное ученіе и обряды дозаконнаго періода, и 2) вопросъ о крещеніи младенцевъ.

По пункту „выработка системы для предохранительныхъ и полемическихъ бесѣдъ“, Кружокъ призналъ особенно необходимымъ заниматься уясненіемъ методовъ наилучшаго веденія полемическихъ бесѣдъ, и по каждому вопросу—отдѣльно. Къ слѣдующему собранію имѣется въ виду методика бесѣды по вопросу объ источникахъ вѣроученія. Что же касается предохранительныхъ бесѣдъ, то это дѣло признано болѣе легкимъ и знакомымъ каждому.

Для пріобрѣтенія опыта въ противусектантской полемикѣ признано полезнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ благоприятствовать мѣсто настырско-миссіонерскихъ собраній, устраиать съ сектантами въ присутствіи Кружка бесѣды. Первую бесѣду поручено провести священнику с. Андреевскихъ хуторовъ.

По вопросу о постоянномъ наблюденіи за всѣмъ разсѣяннымъ въ предѣлахъ уѣзда сектантствомъ, какъ одной изъ постоянныхъ задачъ, Кружокъ, встрѣчая затрудненіе въ томъ, что не всѣ пастыри изъ зараженныхъ приходоу входятъ въ его составъ, и объясняя это только серьезными причинами для отсутствовавшихъ на открытіи, надѣется, что слѣдующія собранія Кружка будутъ имѣть въ своей средѣ іеревъ изъ всѣхъ зараженныхъ сектантствомъ приходоу, о чемъ всѣхъ усерднѣйше просить. Пока же только остановились на рѣшеніи наблюдать сектантство при помощи личнаго обмѣна сообщеніями между членами и поручили одному изъ членоу на слѣдующемъ собраніи дать болѣе обстоятельное понятіе о мистическихъ сектахъ и указать наиболѣе поддающіеся наблюденію ихъ признаки.

По пункту „изученіе миссіонерской для раздачи народу литературы“, рѣшено: считать это дѣло особенно важнымъ;

съ слѣдующаго собранія начать выписку одобренныхъ и одобряемыхъ миссіонерскими съѣздами и издаціями брошюръ; послѣ такихъ или иныхъ объ нихъ отзывовъ со стороны отдѣльныхъ членовъ, общимъ постановленіемъ кружка заслуживающія того изданія рекомендовать къ приобрѣтенію. Въ качествѣ же начала, одинъ изъ священниковъ роздалъ бывшія у него брошюры для заключенія къ слѣдующему собранію. На счетъ же библіотеки для Миссіонерствующихъ, въ виду скорого открытія таковой Миссіонерскимъ Совѣтомъ, рѣшено подождать.

Къ сожалѣнію, за позднимъ временемъ, послѣдняя задача программы—„разработка вопроса объ осуществленіи народно-миссіонерскихъ Курсовъ“—осталась пока безъ обсужденія. Успѣли высказать только двѣ несомнѣнно вѣрныя мысли:—первая та, что только миссія народная можетъ оказаться достаточно сильной въ миссіонерской борьбѣ съ сектантствомъ;—вторая та, что миссіонеры изъ народа дадутъ пользу Церкви лишь въ единеніи съ пастырями.

Разсмотрѣвъ всю программу своей будущей дѣятельности, одобренную Его Преосвященствомъ, Кружокъ нашелъ ее, въ общемъ, покажѣсть достаточно исчерпывающей поставленной жизнію задачи. Съ удовольствіемъ и готовностію потрудиться заслушано было и послѣднее сообщеніе одного изъ членовъ Епархіальнаго Миссіонерскаго Совѣта о порученіи Настоятелю Андреевскаго прихода составить проэктъ миссіонерской для школьнаго преподаванія программы и ранѣе представленія ея въ Совѣтъ подвергнуть обсужденію въ Пастырско-Миссіонерскомъ Кружкѣ.

Назначивъ слѣдующее собраніе Кружка 19-го мая, въ 11 часовъ дня въ г. Константиноградѣ, въ Соборной школѣ, пѣніемъ „свѣтися, свѣтися“ въ 7^{1/2} часовъ вечера занятія закончили.

Въ открытіи Кружка приняли участіе прибывшіе съ вечера 12-го апрѣля и совершившіе всеобщее блѣніе священники: с. Петровки Димитрій Лисовскій, с. Дарь-Надежды Стефанъ Илляшевичъ, с. Кегичовки Александръ Неутрѣвскій, с. Россоховатой Сумеонъ Брайковскій, с. Вознесенскаго Андрей Прокоповичъ, с. Андреевскихъ х.х. Виталій Димара

и прибывшіе 13-го утромъ священники: с. Песчаного Стефанъ Илляшевичъ, с. Екатериновки Димитрій Алтуевъ, с. Константиновки Петръ Геевскій, с. Ново-Парафіевки Іоаннъ Соболевъ, с. Даръ-Надежды Іоаннъ Терлецкій, с. Богатой Черпещины Василій Дарагановъ, с. Мажарскихъ хуторовъ Косма Жуменко, с. Крутояровокъ Сергій Жерновъ, с. Кохановки Іаковъ Андріевскій, с. Варваровки Петръ Симоновскій, с. Ивановки Моусей Бѣльченко, окончившія духовную Семинарію учитель Кобозовской Миссіонерской школы Александръ Максимовичъ; Протоіерей О. Андрей Щитинскій по окончаніи богослуженія, по служебнымъ обстоятельствамъ, отбылъ въ Константиноградъ, не принявъ участія въ самомъ открытіи Кружка.

Личное участіе въ Бослуженіи Градскаго о. Протоіерея, запись въ кружокъ Благочиннаго о. Феодора Комарецкаго, привѣтствія кружку отъ Благочинныхъ: Протоіерея Ореста Сребницкаго и священника Іоанна Саговскаго—все это даетъ участникамъ значительную степень энергіи въ предстоящемъ дѣлѣ и въ собраніи было отмѣчено выраженіемъ благодарности.

О, если бы Господь вдохновилъ Пастырско-Миссіонерскій Кружокъ и на будущее время неугасающей ревностію и возрастилъ его въ древо многоплодное!

15 апрѣля 1909 года.

Членъ Кружка.

Н. В. Гоголь.

(1809—1909)

Критико-біографическій очеркъ.

(Продолженіе).

Проникаясь все болѣе и болѣе сознаниемъ своего особаго служенія, Гоголь быстро и легко работаетъ надъ своими „Мертвыми душами“; вдохновеніе часто посѣщаетъ его; онъ передѣлываетъ и окончательно отдѣлываетъ прежнія свои со-

чиненія; одни художественные планы въ его творческомъ воображеніи смѣняются другими. Его повѣсти: Шипель, Портретъ, Тарась Бульба, комедіи: Ревизоръ, Женитьба, Театральный разъѣздъ—получаютъ здѣсь окончательную отдѣлку. Но вмѣстѣ съ такимъ подъемомъ духовныхъ творческихъ силъ происходитъ постепенное ослабленіе жизненныхъ силъ. Гоголь не обладалъ никогда хорошимъ здоровьемъ. Между тѣмъ приступы болѣзни за границей участились, и мнительный Гоголь думалъ, что смерть уже стоитъ у него за плечами и только Рука Всевышняго падить его для того, чтобы онъ исполнилъ миссію на него возложенную. И вотъ,—въ эти-то годы, когда особенно мысль о смерти угнетала душу Гоголя, ему пришлось столкнуться съ нею два раза. Въ 1837 г. 27 января безжалостная пуля Дантеса сразила грудь лучшаго сына Русской земли, ея генія и поэта—Пушкина, того самого Пушкина, которому Гоголь повѣрялъ тайны и планы своего творчества, на судь котораго отдавалъ свои произведенія. „Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ“, писалъ онъ послѣ того, какъ получилъ вѣсть о смерти Пушкина. „Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта, ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу. Боже! нынѣшній трудъ мой (Мертвыя души), внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался я за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!“ ...—„Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ правиться ему, и это было моей высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что—теперь жизнь моя?—Великаго не стало“. . . „О, Пушкинъ, Пушкинъ, какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе!“—Боже, какъ странно, Россія безъ Пушкина“¹⁾...—Такъ

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя I, 432, 434, 436; 441, 459; II, 12.

скорбѣлъ и плакалъ неутѣшными слезами осиротѣвшій Гоголь; онъ оплакивалъ въ немъ своего хранителя и руководителя, предъ авторитетомъ котораго единственно онъ склонялъ свою голову; оплакивалъ того, кто своею жизне-радостной великой душой примирялъ скорбную музу его съ печальной россійской дѣйствительностью, на комъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ отдыхалъ душою Гоголь — художникъ, — отдыхалъ отъ своихъ „странныхъ героев“.

„Великаго не стало“. — Къ кому же теперь должна по наслѣдству перейти роль пророка — поэта, который „глаголомъ долженъ жечь сердца людей“? Кто подниметъ на себя эту тяжесть, какъ не онъ, вѣрный завѣтамъ своего учителя?.. И Гоголь торопится окончить трудъ, который началъ съ благословенія Пушкина; мучительно думая о своей судьбѣ, спѣшитъ онъ окончить необъятный трудъ, „свое великое дѣло“, и чаще ему приходитъ теперь мысль о скорой смерти. Она неотступно стоитъ передъ его взоромъ и преслѣдуетъ его.

Похитивши „Великаго“, она наноситъ еще чувствительный ударъ больному, измученному сердцу гениальнаго скорбника: на рукахъ у него преждевременно умеръ его другъ, молодой, одаренный богатствами и тѣлесными и духовными, — графъ Юсифъ Вельгорскій. Нѣсколько ночей подъ рядъ провелъ онъ у одра больного друга и переживалъ съ нимъ всю мучительную трагедію борьбы молодыхъ жизненныхъ силъ съ косящимъ ужасомъ смерти... И онъ потрясенъ былъ этой трагедіей до глубины души. „Непостижимо странна судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи“, писалъ онъ по поводу этой смерти. „Едва только оно успѣетъ показаться — и тотчасъ смерть! безжалостная, неумолимая смерть. Я ни во что теперь не вѣрю и если встрѣчаю что прекрасное, то жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него мнѣ несетъ запахомъ могилы“¹⁾. По поводу этой юной смерти Гоголь излилъ свои чувства на страницѣхъ своего Дневника, страницы котораго озаглавилъ: „Ночи на виллѣ“ — Между тѣмъ, въ концѣ 1839 — въ началѣ 1840 г. Гоголь изъ Италіи пріѣхалъ въ Россію для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ. Здѣсь, въ предѣлахъ Россіи, онъ начиналъ чувствовать себя еще

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя I, 606, 612.

тоскливѣе. Онъ все болѣе замыкался въ себя и только, когда выѣхалъ обратно въ свою дорогую Италію, оживился. На дорогѣ въ Римъ онъ остановился въ Вѣнѣ. Здѣсь болѣзнь снова обострилась и въ первый разъ онъ дѣйствительно почувствовалъ вѣяніе смерти. Онъ страшно испугался приступовъ болѣзни; ему вспоминались послѣднія вспышки жизни, больного Віельгорскаго. „Я понималъ свое положеніе, пишетъ онъ, и наскоро собравшись съ силами, нацарапалъ, какъ могъ, тощее духовное завѣщаніе. Но умереть среди нѣмцевъ мнѣ показалось страшно. Я велѣлъ себя посадить въ дилижансъ и везти въ Италію“¹⁾.—Дорога, по обыкновенію, произвела на него бодрящее и освѣжающее вліяніе. Онъ пріѣхалъ въ Римъ вполне почти здоровымъ. Свое выздоровленіе онъ приписалъ „чудной волѣ Божіей“. „Одна только чудная воля Божія воскресила меня“, писалъ онъ одной своей знакомой. „Я до сихъ поръ не могу очнуться и не могу представить, какъ я избѣжалъ отъ этой опасности! Это чудное мое исцѣленіе наполняетъ душу мою утѣшеніемъ несказаннымъ: стало быть, жизнь моя еще нужна и не будетъ бесполезна“²⁾. И онъ съ новыми силами принимается за работу, съ новою энергіей, принимается за свое „великое дѣло“, завѣщанное ему Пушкинымъ и поддерживаемое рукою Провидѣнія. Въ 1840 г. 1-я часть „Мертвыхъ душъ“ была почти готова, и онъ читалъ ее у Аксаковыхъ, въ Москвѣ. Въ 1841-мъ году онъ снова пріѣзжаетъ въ Россію и привозитъ съ собою рукопись Мертвыхъ душъ совершенно отдѣланную и готовую для печати и для цензуры.—Въ веселомъ настроеніи пріѣхалъ онъ на родину; но уже здѣсь пришлось ему испытать всѣ прелести столкновенія съ цензурой. Одинъ, напр. изъ цензоровъ, еще не читая рукописи, какъ только услышалъ заглавіе „мертвыя души“, закричалъ голосомъ древняго римлянина: „нѣтъ, этого я не позволю: душа бываетъ бессмертна, мертвой души не можетъ быть; авторъ вооружается противъ бессмертія“... Когда этому цензору стали объяснять, что подъ мертвыми душами разумѣется обыкновенныя „ревиз-

¹⁾ Ibidem II, 8081.

²⁾ Ibidem II, 72.

безчеловѣчны. Жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во 1-хъ не вполне раздѣлялъ ихъ, во 2-хъ, мнѣ нужно было чѣмъ—нибудь поддерживать бѣдное существованіе, и я не могъ жертвовать имъ моими статьями, помѣщая ихъ и нимъ въ журналы, но долженъ былъ ихъ напечатать отдѣльно, какъ новыя и свѣжія, чтобы имѣть доходъ“¹⁾.—Такимъ образ., весь этотъ „дрязгъ жизни“, по выраженію Гоголя, такъ тяжело дѣйствовалъ на него, что онъ спѣшитъ опять уѣхать изъ предѣловъ отчизны въ Римъ. Онъ жалуется на то, что не въ состояніи работать здѣсь; что голова его „глупа“, что нѣтъ въ ней „ни одной мысли“; а, между тѣмъ, трудъ его „важенъ и великъ“, и эта часть, которую онъ представилъ къ напечатанію—только „крыльцо къ тому дворцу, который въ немъ строится“;—трудъ который разрѣшить, наконецъ, „загадку его существованія“²⁾.

Въ 1842 году онъ снова покидаетъ Россію и спѣшитъ въ свою родную Италію, въ Римъ, гдѣ вдохновеніе скорѣе посѣщало его, и откуда лучше казалась ему неприглядная родина. Изъ его интимной переписки за этотъ періодъ времени мы видимъ все большій и большій ростъ религіознаго чувства и сознанія своей великой миссіи. Въ той части своихъ Мертвыхъ душъ онъ показалъ Россію только „съ одного боку“, по его словамъ. Но замыслы его были шире; онъ хочетъ показать и другую сторону отчизны, на чемъ бы могъ отдохнуть и художникъ и читатель. Мучительно всматривается онъ въ окружающую дѣйствительность, ищетъ въ ней воплощеніи добродѣтелей, положительныхъ—типовъ. И вмѣсто нихъ снова вычерчиваются образы Тентетниковыхъ, Пѣтуховъ, Бетрищевыхъ, Кошкаревыхъ... Они, какъ кошмаръ давятъ его... И снова пошлость, и снова длинной вереницей тянутся передъ его скорбнымъ, насмѣшливымъ взоромъ искривленные національныя лица, снова дразнятъ они воображеніе художника, зовутъ за собой... Но вѣдь не вся же Русь, родная, близкая Русь состоитъ изъ такихъ фізіономій; вѣдь есть же добродѣтельные герои, вѣдь существуетъ же тамъ

¹⁾ Русская старина 1909, III, 479.

²⁾ См. у Н. Котляревскаго 431 стр.

въ ея предѣлахъ, въ глубинахъ народныхъ то, что „такую грустью вѣтъ отъ ея пѣсенъ“; вѣдь не Чичиковы и не Собакевичи поютъ эти пѣсни? вѣдь не Плюшкины несутся на тройкахъ „въ сверкающей дали?“... И вотъ десять лѣтъ работаетъ Гоголь надъ положительными типами и... не можетъ создать ихъ... А создать, творить ихъ, сказать чрезъ нихъ свое слово онъ долженъ, онъ обязанъ; этого слова ждетъ отъ него съ страстнымъ нетерпѣніемъ Русь. Напрасно напрягаетъ онъ всѣ силы своего таланта;—работа не подвигается...

Въ 1845 г. 2-я ч. поэма была готова, но она не удовлетворяла Гоголя, и онъ сжегъ рукопись и снова засѣлъ за работу. Но, вдохновеніе не посѣщало его... Онъ углубляется въ самого себя, думая въ себѣ самомъ отыскать образы добродѣтельныхъ героев—и съ этою цѣлью все свое вниманіе сосредоточиваетъ на томъ, чтобы по возможности „очистить себя отъ скверны, воспитать въ себѣ высокую моральную личность“,—словомъ пройти весь тотъ путь, который долженъ спасти Чичиковыхъ и Ноздревыхъ... Изъ его писемъ къ близкимъ и знакомымъ за этотъ періодъ времени мы все болѣе и болѣе встрѣчаемся съ наставническими нотками. Если раньше онъ не прочь былъ прочитать наставленіе даже своей „маменькѣ“,—то теперь почти въ каждомъ его письмѣ онъ является моралистомъ—проповѣдникомъ.—Въ то же время физическое его самочувствіе все болѣе и болѣе ухудшалось. Припадки болѣзни въ связи съ задатками ипохондріи все усиливались. Гоголь уже боялся, что онъ умретъ, не сказавши „завѣтнаго слова“ своимъ соотечественникамъ, (такъ какъ „Мертвыя души“ не двигались). Съ этою цѣлью онъ рѣшается опубликовать „выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“... Вѣдь въ этихъ письмахъ онъ искренно говорилъ о томъ, какъ люди—люди русскіе, должны поступать въ извѣстныхъ случаяхъ жизни; вѣдь въ нихъ онъ разрѣшалъ многія сомнѣнія и вопросы тогдашней жизни, какія задавали ему его близкіе друзья!.. Да, вѣдь, въ этихъ письмахъ онъ излагаетъ свои взгляды, положительные взгляды на то, какъ должно жить, чтобы не быть пошлякомъ, не быть тѣмъ ничтожествомъ, какое изображалъ онъ въ своихъ художественныхъ образахъ... И вотъ въ 1846 г. въ іюлѣ

онъ поручаетъ Плетневу издать „Выбранныя мѣста“ и надѣется, что эта „книга разоидется болѣе, чѣмъ всякая его другая книга, потому что до сихъ поръ это есть его „единственная дѣльная книга“. Такое высокое значеніе приписывалъ онъ своимъ „Выбраннымъ мѣстамъ“.

Напрасно старикъ — Аксаковъ, любившій Гоголя, какъ сына, упрекаетъ его за эту рѣшимость отпечатать эти письма, упрекаетъ его „въ гордынѣ, облеченной въ рубище смиренія“. — Гоголь настоялъ на своемъ и наканунѣ новаго года (1847 г.) книга вышла въ свѣтъ. По обычаю цензура положила свою печать даже и на эту книгу, и нѣкоторыя мѣста, задѣвавшія особенно острые вопросы того времени, были выпущены... — Мы уже видѣли, что мотивы опубликованія писемъ были самыя искреннія и чистыя. Гоголь своею „Перепискою“ хотѣлъ сказать все послѣднее слово отчизнѣ. Видя „всю тину мелочей, опутавшихъ жизнь“, скорбя о той ужасающей безконечной пошлости и ничтожествѣ, которыя заѣдаютъ родную жизнь, онъ, будучи моралистомъ и искателемъ правды по своей натурѣ, не могъ молчать; но заговорить на языкѣ художника, — на языкѣ, на какомъ онъ доселѣ говорилъ съ своими соотечественниками, онъ уже не могъ. А сердце, скорбное сердце, болѣющее за свою несчастную родину, настойчиво требовало, чтобы онъ предупредилъ ужасы общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилъ свое назначеніе, свою, по выраж. проф. Овсяника-Куликовскаго, „общественную стоимость“¹⁾. — Своею „Перепискою“ Гоголь хотѣлъ помочь Россіи. Поэтому на нее можно, дѣйствительно смотрѣть, какъ „на крикъ глубокоизстрадавшейся души“. Это понялъ и дрѹгой великій моралистъ — писатель Л. Толстой, который сказалъ свое доброе слово объ этой „Перепискѣ“. Но не могли этого понять и принять въ соображеніе современники Гоголя. Ихъ поразила самоувѣренность Гоголя и ретроградный характеръ содержанія этихъ писемъ. Они увидали въ Гоголѣ защитника того положенія вещей, который созданъ, защитникомъ тѣхъ уродливыхъ формъ общественной жизни, которыя характеризуются однимъ словомъ — крѣпостное право; они видѣли въ немъ мракобѣса. — Они не

¹⁾ Овсяннко-Куликовскій гл. III, 126.

замѣтили того обстоятельства, что Гоголь здѣсь обращается съ проповѣдью покаянія и смиренія къ *личности*, а не къ обществу: „Личность должна исправиться, а реформы—не такая важная вещь“. Онъ говорилъ, словомъ то, что въ послѣдствіи поставилъ во главу угла своей писательской дѣятельности гр. Л. Н. Толстой...—Какъ бы то ни было, но шумъ произведенный „Перепискою“—былъ слишкомъ великъ и, при томъ не въ пользу автора.—Даже очень консервативные круги общества, и тѣ не могли примириться съ духомъ и характеромъ „Переписки“. „Проповѣдникъ кнута, апостоль невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, — что вы дѣлаете!“... восклицаетъ въ приливъ страшнаго негодованія „неистовый“ Виссаріонъ Бѣлинскій. И этотъ вопль нашель сочувственный откликъ въ сердцахъ всего передового тогдашняго общества.

Рѣзкая критика Бѣлинскаго задѣла слишкомъ сильно Гоголя, и онъ пишетъ ему письмо. Бѣлинскій, въ свою очередь, пишетъ свой вышеприведенный знаменитый отвѣтъ, который потомъ въ тысячахъ экземпляровъ разошелся по всей Руси. Бѣлинскій былъ возмущенъ тѣмъ особенно, что авторомъ „Переписки“ былъ ни кто иной, какъ Гоголь, тотъ самый великій Гоголь, который въ это время былъ „властителемъ думъ лучшихъ людей Россіи“... „Да, я любилъ Васъ со всею страстью“ пишетъ онъ въ заключеніе своего письма, „какъ человекъ, кровью связанный со своею страной, можетъ любить ее надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса“.¹⁾

Отзывы критики, повидимому, произвели сильное впечатлѣніе на Гоголя и возбудили сомнѣніе у него въ полезности опубликованія „Переписки“. Въ письмѣ къ Жуковскому онъ пишетъ: „Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее... Какъ мнѣ стыдно за себя, какъ мнѣ стыдно предъ тобою, добрая душа!“ Въ другихъ письмахъ онъ старается оправдать изданіе своей переписки тѣмъ, что онъ хотѣлъ этою книгою вызвать об-

¹⁾ Овсяннико-Куликовскій, 24 стр.

мѣнь мнѣній между тогдашними образованными кругами общества, что это для него необходимо для продолженія „Мертвыхъ душъ“. „Книга моя вышла, пишетъ онъ, не столько затѣмъ, чтобы распространить какія-либо свѣдѣнія, сколько затѣмъ, чтобы добиться самому многихъ тѣхъ свѣдѣній, которыя мнѣ необходимы для труда моего“¹⁾.

Въ 1847 г. Гоголь пишетъ „Авторскую исповѣдь“, въ которой старается опровергнуть обвиненія взведенныя, на него по поводу опубликованія „Перелиски“, и здѣсь знакомить читателей съ интимной стороной своего художническаго творчества, особенно „Мертвыхъ душъ“. Въ это же время судьба сталкиваетъ его съ о. Матвѣемъ Константиновскимъ, ржевскимъ протоіереемъ, человѣкомъ, по отзывамъ современниковъ, честнымъ, благочестивымъ. О. Матвѣй произвелъ неотразимое впечатлѣніе своею личностью и возрѣніями на мистически настроеннаго Гоголя, а также своими рѣчами „о загробномъ возмездіи“ и о томъ, что литературная дѣятельность Гоголя—„пагубна и грѣховна“. Напрасно Гоголь пытался ему возражать, отстаивать значеніе искусства, театра, напрасно защищалъ поэзію Пушкина. О. Матвѣй былъ непоколебимъ.—Однако, несмотря на всю прямолинейность взглядовъ о. Матвѣя, Гоголь не вполнѣ подчинился ему; онъ продолжалъ вѣрить въ свою миссію, въ значеніе искусства, не измѣнилъ Пушкину и работалъ надъ второю и третьею частями „Мертвыхъ душъ“.—Въ 1848 г. Гоголь выполнилъ, наконецъ, свое давнишнее намѣреніе „поклониться Гробу Господню“. По возвращеніи онъ снова продолжаетъ работу надъ Мертвыми душами, всматривается въ окружающее, повсюду ищетъ „идеальнаго русскаго человѣка“, который болѣе другихъ и глубже другихъ представителей челоѣчества способенъ „принять въ себя высокое евангельское слово, возводящее къ совершенству челоѣка“²⁾. Работа его стала налаживаться; въ іюль 1848 г. онъ уже читалъ готовую рукопись 2-й части Мертвыхъ душъ у Смирновыхъ въ Калугѣ. Но физическое его состояніе дѣлалось все хуже и хуже. Весною 1850 г. онъ побывалъ на югѣ; нѣсколько освѣжился и задумалъ новую обширную работу по отчизновѣдѣ-

¹⁾ См. у Овсяннико-Куликовскаго 23.

²⁾ Ibidem 27.

нію. Теперь всё интересы его сосредоточены на родинѣ, на „дорогой его сердцу отчизнѣ“. Ему уже не хочется покидать Россіи, хотя бы даже и на 3 мѣсяца. Осень и зиму 1850 — 1851 г. онъ провель въ Одессѣ. Весною онъ ѣдетъ въ Москву хлопотать о второмъ изданіи своихъ сочиненій и вмѣстѣ везетъ съ собой приготовленный къ печати 2-й томъ „Мертвыхъ душъ“... Въ Москвѣ онъ почувствовалъ себя плохо. Чтобы освѣжиться и развлечься, онъ посѣщаетъ Аксаковыхъ на ихъ дачѣ, ѣдетъ въ Оптину пустынь, въ Троице-Сергіевскую Лавру... Не лишне будетъ сказать, что несмотря на свой аскетическій образъ жизни, какой онъ вель, несмотря на глубокое религіозное чувство, переходившее въ мистицизмъ, несмотря на глубокую любовь къ православной церкви, Гоголь неодобрительно отзывался о тѣхъ, кто стремится уйти отъ міра въ монастырь. „Безъ любви къ Богу никому не спастись, но эту любовь надо имѣть въ себѣ. Въ монастырѣ ея не найдете тому, кто ею не проникся раньше“... „Монастырь нашъ Россія! облеките же себя умственно рясою чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться въ ней¹⁾“... Такъ думаль онъ о монастыряхъ, и самъ былъ дѣйствительно монахомъ въ душѣ, тѣмъ монахомъ, который дѣйствительно всего себя принесь на алтарь любви къ „бѣдной“ Россіи.

Послѣ поѣздки онъ почувствовалъ облегченіе, но не надолго. Въ послѣднихъ числахъ января 1852 г. умерла его хорошая знакомая Е. М. Хомякова. Эта смерть разстроила Гоголя такъ, что онъ не могъ быть на похоронахъ. „Страшная минута смерти!“, говорилъ онъ по этому поводу у Аксаковыхъ. Когда ему возразили, что смерть не страшна тому, кто увѣренъ въ милости Божіей къ страждущему человѣку, — онъ сказалъ: „Ну объ этомъ надо спросить тѣхъ, кто перешель черезъ эту минуту“²⁾. И снова мысли о смерти овладѣли душою Гоголя, и снова потухла его жизнерадостность, и затуманился острый взглядъ его очей. 4 февраля онъ вздумаль говѣть и, по свидѣтельству пользовавшаго его врача

¹⁾ Венгеровъ 341—342.

²⁾ Овсяннико-Куликовскій 31—32.

Тарасенкога, „уменьшилъ до крайности свое питаніе и сонъ“. Передъ исповѣдью „паль ниць и много плакалъ“... Въ день Причащенія Св. Таинъ „съѣлъ просфору“ и назвалъ себя за это „обжорою, окаяннымъ, нетерпѣливцемъ“... 11-го февраля послѣ всенощной въ домъ гр. Ал. П. Голицына, гдѣ Гоголь жилъ, онъ долго молился одинъ въ своей комнатѣ, а „въ три часа утра призвалъ своего мальчика и спросилъ его, тепло-ли въ другой половинѣ его покоевъ. „Свѣжо, отвѣчалъ тотъ. „Дай мнѣ плащъ; пойдемъ: мнѣ нужно тамъ распорядиться“. И онъ пошелъ со свѣчей въ рукахъ, крестясь въ каждой комнатѣ, черезъ которую проходилъ. Пришелъ, велѣлъ открыть трубу, какъ можно тише, чтобы никого не разбудить, и потомъ подать изъ шкафа портфель. Портфель былъ принесенъ; Гоголь взялъ связку тетрадей, перевязанныхъ тесемкой, положилъ въ печь и самъ свѣчей зажегъ. Мальчикъ упалъ предъ нимъ на колѣни и сказалъ: „Баринъ, что вы это? перестаньте!“ — „Не твое дѣло“, отвѣчалъ Гоголь, „молись“. Мальчикъ заплакалъ и сталъ просить его. Между тѣмъ углы пачки обгорѣли, и огонь потухъ; тогда Гоголь, развязавъ тесемку и уложилъ листы такъ, чтобы легче было горѣть, запалилъ опять и сидѣлъ на стулѣ, пока они всѣ не сгорѣли. Тогда онъ, перекрестясь, воротился въ прежнюю свою комнату, поцѣловалъ мальчика, легъ на диванъ и заплакалъ ¹⁾.—12 февр. онъ слегъ и упорно отказывался отъ лѣченія. Тщетно друзья и враги уговаривали его. Тогда ему предложили „особороваться“; съ радостью согласился онъ и „выслушалъ всѣ евангелія въ полной памяти, проливая слезы“. 20-го февраля созванъ былъ консилиумъ врачей. Они согласились въ томъ, что помимо всякихъ болѣзней, (тѣлесныхъ и душевныхъ), организмъ больного, изнуренный голоданіемъ, необходимо поддерживать питаніемъ хотя бы и „насилно“. Но этимъ насиліемъ и своимъ въ высшей степени грубымъ обращеніемъ съ писателемъ, котораго они по недоразумѣнію считали помѣшаннымъ, они омрачили только послѣднія минуты земной жизни великаго писателя. 20-го февраля ночью началась агонія, а 21-го въ 8 часовъ утра великій духъ оставилъ брѣнное, изможденное тѣло великаго страдальца:—Гоголя не стало...

¹⁾ Ibidem 32—33.

Тѣло его было погребено на кладбищѣ Данилова монастыря; поставленъ былъ простой памятникъ, на которомъ высѣчены слова Іереміи пророка: „Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся“...

Окидывая взоромъ жизненный путь, пройденный Гоголемъ, мы видимъ, что, по вполнѣ справедливому выраженію проф. С. А. Венгерова, — Гоголь — „самая акастическая натура всей русской литературы“. Довольствуясь въ жизни самымъ необходимымъ для того, чтобы поддерживать свое „бренное существованіе“, онъ не зналъ, повидимому, сердечной привязанности; не имѣя, гдѣ подклонить своей головы, онъ положительно не заботился о личныхъ удобствахъ. Съ ранней юности до послѣднихъ дней своей страдальческой жизни этотъ искатель правды Божіей мечталъ о „службѣ“ своей родинѣ и искренно всѣми силами своей гениальной души старался помочь ей, старался указать тотъ путь, который, по его мнѣнію, ведетъ къ совершенству. Несмотря на многія недостатки характера своей многосторонней природы, несмотря на хитрость и лукавство, на скрытность и самомиѣніе, онъ всю свою жизнь горѣлъ тѣмъ „небеснымъ безпокойствомъ о людяхъ“, тою „ангельскою тоскою“ объ ихъ порокахъ и недостаткахъ, которая приготовила для него и безвременную кончину. Этотъ вѣчный скиталецъ и кочевецъ, подобно Ибсему и Вл. Соловьеву, искренно вѣрилъ въ себя, въ свою особую миссію, вѣрилъ въ то, что онъ призванъ сказать Родинѣ свое вѣщее слово, отъ котораго мертвыя души, должны были воскреснуть и сдѣлаться живыми, дѣйствительнымъ образомъ и подобіемъ Божіимъ. И онъ умеръ, когда увидаль, что не можетъ отлить своихъ завѣтныхъ думъ и мыслей въ тѣ формы „слова“, въ какія облекъ онъ свой вскорбный смѣхъ... И не намъ, его благодарнымъ соотечественникамъ и ученикамъ, бросать упреки маленькимъ человѣческимъ слабостямъ его великой гениальной души: Онъ сѣялъ разумное, доброе, вѣчное и спасибо сердечное должна сказать ему благодарная Русь...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Н. В. Гоголя.

(Окончаніе).

Осыпаемый цѣлымъ градомъ укоровъ, брани и насмѣшекъ, окруженный со всѣхъ сторонъ ядовитымъ шипѣньемъ многоголовой пошлости, Гоголь не выдержалъ и рѣшилъ бѣжать изъ Россіи. Онъ уѣхалъ за-границу, но, и вынужденный бѣжать, онъ не сложилъ оружія и не опустилъ безсильно рукъ передъ многочисленнымъ и многообразнымъ врагомъ. Онъ увезъ съ собой за-границу начало новаго своего произведенія—„Мертвыя Души“, еще болѣе грандіозную картину, чѣмъ только что поставленный „Ревизоръ“.

Въ повомъ своемъ произведеніи Гоголь рѣшилъ, по его собственнымъ словамъ, „вызывать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрять равнодушныя очи,— всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ“.

Задача была огромна. Ибо „тина мелочей“, дѣйствительно, страшна, дѣйствительно, потрясающа, и кто изъ людей скажетъ о себѣ, что онъ избѣгъ ея, что онъ сумѣлъ уйти отъ ея вѣчно, на каждомъ шагу растянутыхъ сѣтей, что онъ хоть на нѣсколько минутъ не погрязъ въ разлагающемъ хламѣ будней, въ раздробляющихъ характеръ дрязгахъ однотонной ежедневности? Да, задача была огромна, и не мудрено, что она оказалась не подъ силу даже такому борцу, какъ Гоголь. „Мертвыя Души“, остались неоконченными, но и то, что сдѣлано писателемъ, и то было слишкомъ многимъ для силъ одного человѣка.

Въ 1842 году вышелъ первый и, къ глубокой грусти всякаго русскаго читателя, единственный вполнѣ обработанный Гоголемъ томъ „Мертвыхъ Душъ“. Фигуры Манилова, Поздрева, Плюшкина, Собакевича и т. д. сами по себѣ таковы, что могли бы лечь прочнымъ пьедесталомъ памятнику нашего писателя. Но всѣхъ ихъ превосходить герой поэмы Чичиковъ. Пошлость Поздрева, Собакевича и прочихъ слишкомъ

видна и ясна, по развѣ не въ самомъ дѣлѣ „глубокоуважаемый“ человекъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ? Но сила гоголевскаго генія тѣмъ и велика, что онъ умѣлъ сдернуть маску съ лица самаго „глубокоуважаемаго“ человека и подъ необыкновенно привлекательной виѣшностью показать изумленному читателю „въ такой силѣ пошлость пошлаго человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое Чичиковъ? „Справедливѣе всего“, замѣчаетъ Гоголь, „назвать Чичикова—хозяинъ, пріобрѣтатель“.

Пріобрѣтеніе, по словамъ Чичикова, „благое дѣло“, даже болѣе: это то „прочное основаніе“, которое онъ противопоставляетъ, какъ положительный идеалъ, „какой-нибудь вольнодумной химерѣ юности“; то „прочное основаніе“, опершись на которое „твердой стопой“, человекъ, наконецъ, опредѣляетъ цѣль своей жизни.

И Чичиковъ пріобрѣтаетъ. Всю изворотливость своего гибкаго, практически—смѣтливаго ума, всю силу своего съ дѣтства закаленнаго лишеніями характера онъ употребляетъ на одно—на пріобрѣтеніе. Падая и снова поднимаясь на ноги, обрываясь и снова цѣпляясь за житейскіе обрывы, медленно и неуклонно, съ поражающей читателя непреодолимой настойчивостью, онъ поднимается все выше и выше, все ближе и ближе къ своей цѣли. Зачѣмъ-же пріобрѣтаетъ Чичиковъ? Ставши „твердой стопой“ на это „прочное основаніе“, какъ опредѣлить онъ цѣль своей жизни?

„Ему“, отвѣчаетъ Гоголь, „мерещилась впереди жизнь во всѣхъ удовольствіяхъ, со всѣми недостатками: экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды—вотъ что непрерывно носилось въ головѣ его... И все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ“. Итакъ, спокойное довольство—вотъ, по мысли Чичикова, цѣль человеческой жизни. Все, что не подходитъ подъ эту мѣрку, все, что выходитъ за предѣлы этого полуживотнаго идеала—все это Чичиковъ съ высоты своего благоприличія, слегка нагнувъ голову на бокъ, на-

зоветь „вольподумной химерой юности“. Спокойное довольство! Какъ знакомо намъ содержаніе этихъ двухъ словечекъ! „Тихо да мирно“, „полегонечку да потихонечку“, „чинно-благородно“—какимъ количествомъ такихъ глубокомысленныхъ изрѣченій повседневной пошлости можетъ отозваться на „спокойное довольство“ Чичикова наша будничная русская жизнь! Да и одна ли русская! Чичиковъ, какъ и Хлестаковъ, не только нашъ русскій типъ; это типъ, свойственный всему человѣчеству, человѣчеству, погрязшему „въ страшной, потрясающей типъ мелочей“, человѣчеству, пустившемуся въ бѣшенную погоню за земными, матеріальными благами, человѣчеству, забывшему великія слова апостола: „Духа не угашайте!“ И если, по мнѣнію Гоголя, въ каждомъ изъ насъ сидитъ Хлестаковъ, то неужели мы не сознаемся, что каждый изъ насъ добрую половину своей жизни представляетъ собою Чичикова, съ его стремленіемъ къ спокойному довольству? Тѣмъ и велики, тѣмъ и безсмертны „Мертвыя Души“ Гоголя, что великій художникъ дѣйствительно указалъ намъ, своимъ читателямъ, на постепенное омертвѣніе нашихъ душъ, на страшную силу повседневной пошлости; пошлости, какъ гангрена, съѣдающей нашъ свободный человѣческій духъ; какъ грязная паутина, покрывающей въ насъ образъ и подобіе Божіе.

Первый томъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ послѣднимъ художественнымъ произведеніемъ, которое было сдано въ печать при жизни Гоголя. Чувствуя, какъ силы постепенно бросаютъ его изнуренный душевными муками организмъ, Гоголь изнывалъ отъ мысли, что онъ не успѣетъ выполнить всего, что билось въ душѣ его, не успѣетъ сказать соотечественникамъ своего всего того, чѣмъ тревожно наполнялось его изстрадавшееся сердце. И сбросивши забрало художественныхъ образовъ, Гоголь рѣшилъ съ открытымъ лицомъ бросить вызовъ пошлости русской жизни. Къ этому надо еще прибавить, что Гоголь, еще съ юношескихъ лѣтъ мечтавшій о непосредственномъ участіи въ жизненной борьбѣ, не могъ вполне удовлетвориться своей литературной дѣятельностью. Она казалась ему нѣсколько далекой отъ житейской сутолки, ему нужны были живыя, непосредственныя связи съ общест-

вомъ, хотѣлось непосредственно сразиться съ старымъ врагомъ своимъ—житейской пошлостью, хотѣлось указать своимъ согражданамъ путь, идя по которому, они могутъ избавиться отъ превращенія въ „Мертвыя Души“. Результатомъ этого стремленія явилась книга „Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

Но почти десять лѣтъ, проведенныхъ Гоголемъ за границей, съ небольшими перерывами кратковременныхъ пріѣздовъ въ Россію, не могли не отразиться на этомъ новомъ произведеніи Гоголя.

Наша русская жизнь вообще идетъ необыкновенно быстрымъ темпомъ, „упорствуя, волнуясь и слѣша“, мчится она впередъ и впередъ, и, чтобы услѣдить ея прихотливую смѣну настроеній, надо быть съ нею, надо жить въ ней, надо слышать біеніе ея быстрого пульса въ своемъ сердцѣ. И не самъ ли Гоголь символизировалъ это быстрое развитіе, это непрекращающееся движеніе все впередъ и впередъ въ знаменитомъ образѣ чудо-тройки? И за десять лѣтъ отсутствія Гоголя тройка успѣла умчаться далеко. Въ русской общественной мысли успѣли намѣтиться новыя теченія, и самымъ яркимъ изъ нихъ было то, которое все болѣе и болѣе приходило къ выводу о необходимости самыхъ широкихъ реформъ въ застоявшемся болотѣ русской жизни, и это теченіе все шире и шире разливалось по широкой Руси. Судебная несправедливость, излишнее стѣсненіе печати, наконецъ—источникъ многихъ бѣдъ, коренной недостатокъ русской жизни—крѣпостное право—все это вызывало къ себѣ все большую и большую непріязнь, возбуждало души на борьбу, распалило тнѣвомъ сердца истинныхъ патріотовъ. Всѣ эти люди помнили Гоголевскаго „Ревизора“, помнили, что сдѣлано Гоголемъ для обнаруженія общественныхъ язвъ русской жизни, и теперь глаза всѣхъ были устремлены на него, всѣ ждали его могучаго слова. Но Гоголь, погруженный въ созерцаніе безднъ жизни, и безъ того не всегда былъ внимателенъ къ ея измѣняющейся поверхности, а послѣ многолѣтняго отсутствія тѣмъ болѣе не могъ дать отвѣта на тѣ острые, жгучіе злободневные вопросы, которые волновали души его читателей. Послѣдніе разочарованными очами прочли въ новой книгѣ рядъ поучительныхъ разсужденій, въ которыхъ не только не

было рѣчи о реформахъ, но даже крѣпостному праву не было ясно высказано слово осужденія.

Время, которое переживало тогдашнее русское общество, было слишкомъ тяжело: надежды, возлагаемыя на Гоголя, были слишкомъ велики, и неудивительно, что разочарованіе въ новой книгѣ Гоголя было страшнымъ ударомъ для лучшей части тогдашняго русскаго общества. Отзывы о новой книгѣ были взрывомъ въ лучшемъ случаѣ негодованія, въ худшемъ — насмѣшки и презрѣнія. Знаменитый критикъ Бѣлинскій, не знавшій границъ ни въ любви ни въ ненависти, критикъ, первый указавшій въ Гоголѣ великаго писателя, теперь не находитъ словъ для выраженія своего негодованія: „Проповѣдникъ кнута, апостоль невѣжества... что вы дѣлаете?“ Въ чемъ только ни упрекали Гоголя, въ какихъ только гадостяхъ ни подозрѣвали несчастнаго автора „Переписки“! „Душа моя изнемогла отъ множества упрековъ“, стонетъ Гоголь въ своей „Авторской исповѣди“, написанной послѣ этого: „изъ нихъ многіе были такъ страшны, что не дай ихъ Богъ никому получать... Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово, и всякъ на перерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ“.

Теперь, когда со времени появленія „Переписки“ прошло болѣе пятидесяти лѣтъ, мы можемъ спокойно отнестись къ этой книгѣ. И безпристрастіе скажетъ намъ, что, рядомъ съ ошибками, основная мысль ея чиста и вѣрна, и если Гоголь не былъ понятъ современниками, то только потому, что слишкомъ острыми уколами билась въ сердцахъ ихъ гражданская скорбь, скорбь по несовершенствамъ общественной жизни. Скорбь Гоголя была не менѣе глубока и сильна, но она не была идейной скорбью гражданина: она была острой и мучительной психической болью, чѣмъ то въ родѣ душевной тошноты, вызываемой пошлостью человѣческой. Не къ обществу взываетъ Гоголь и не объ общественныхъ реформахъ говоритъ онъ, онъ обращается къ каждому отдѣльному человѣку, проситъ его очистить свою душу отъ коры житейской пошлости. За-

быть свое ненасытное я, отдаться другимъ, въ работѣ для другихъ найти свое личное счастье—вотъ къ чему призываетъ въ этой книгѣ Гоголь своихъ читателей. „Счастье на землѣ“, говоритъ онъ, „начинается только тогда для человѣка, когда онъ, позабывъ о себѣ, начинаетъ жить для другихъ“. Такъ же смотритъ онъ и на служеніе своему отечеству: „Тому, кто пожелаетъ истинно-честно служить Россіи, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая бы поглотила уже всѣ другія чувства, нужно имѣть много любви къ человѣку вообще и сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ во во всемъ смыслѣ этого слова“.

И Гоголь всѣхъ и cadaго зоветъ къ этому служенію. Не только помѣщики, не только высшіе чиновники, но и самые маленькіе люди, даже свѣтскія женщины, лишеныя въ тѣ времена даже призрака общественной цѣнности—всѣ призываются къ работѣ Гоголемъ, который рѣшительно не хочетъ вѣрить, чтобъ было такое положеніе, въ которомъ при желаніи нельзя было бы принести пользы окружающимъ. „Если вы дѣйствительно полюбите Россію“, восклицаетъ онъ: „вы будете рваться служить ей: не въ губернаторы, но въ капитанъ исправники—пойдете, послѣднее мѣсто, какое ни отыщется въ ней, возьмете, предпочитая одну крупницу дѣятельности на немъ всей нашей нынѣшней бездѣйственной и празднои жизни“.

Постоянная, безкорыстная работа для другихъ—такова идея этой книги. Неудача ея ошеломляюще подѣйствовала на душу Гоголя, его протянутыя руки не встрѣтили отвѣтнаго рукопожатія, и въ страшной тоскѣ съежилось подъ ударами его истекающее кровью сердце. „Авторская исповѣдь“, послѣдовавшая за „Перепиской“,—это сплошной стонъ израненной, незаслуженно униженной души писателя. Все мрачнѣе и мрачнѣе становится на душѣ у Гоголя, все рѣже и рѣже проблески вспыхивающей энергіи, и работа надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“ еле тянется въ рукахъ непонятаго въ лучшихъ своихъ стремленіяхъ писателя. Въ этомъ томѣ онъ хотѣлъ въ художественныхъ образахъ изобразить тѣхъ

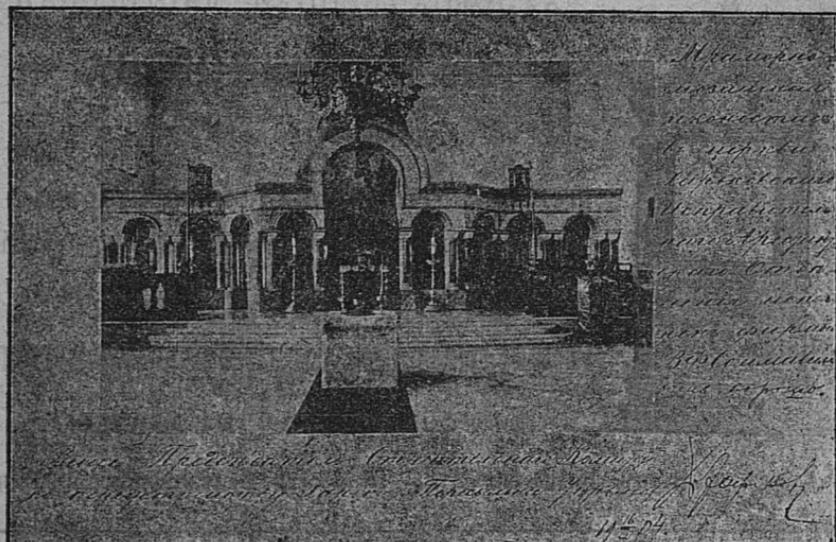
безкорыстныхъ работниковъ на пользу общую, какими онъ хотѣлъ видѣть своихъ соотечественниковъ, но съ трудомъ подвигалась работа и не приносила удовлетворенія своему взыскательному творцу. Да и могъ ли Гоголь, съ такою силою изображавшій человѣческую пошлость, найти на своей палитрѣ краски для изображенія новыхъ, идеальныхъ людей, людей, которыхъ еще и не видѣла русская дѣйствительность? Нѣсколько разъ сжигалъ неудовлетворенный Гоголь свой трудъ, и послѣдній разъ уже начисто переписанный второй томъ великой поэмы былъ сожженъ за нѣсколько дней до смерти писателя.

Гоголь умеръ. Умеръ великій борець съ человѣческой пошлостью, но не умерло съ нимъ его дѣло. Его преемники, другіе русскіе писатели, взяли изъ охладѣвшихъ рукъ умирающаго бойца его оружіе, и человѣческая пошлость увидѣла предъ собою уже не отдѣльныя единицы, а цѣлую дружину русскихъ писателей, сомкнутыми рядами продолжающихъ начатое ихъ вождемъ дѣло. Но не только въ борьбѣ съ пошлостью великое значеніе дѣятельности Гоголя.

Первый изъ русскихъ писателей онъ ясно и рѣзко поставилъ вопросъ: какъ жить свято? какъ примирить потребность личнаго счастья съ служеніемъ обществу? Полюби людей, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ произведенія Гоголя, и въ работѣ для нихъ ты найдешь свое счастье. Борьба съ сѣрой пошлостью, призывъ къ святой чистотѣ—вотъ двуединая основа дѣятельности Гоголя, основа, придающая его произведеніямъ не только національное, но и міровое значеніе.

„На колѣни передъ Богомъ и проси у него гнѣва и любви!“ тавія слова встрѣчаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Гоголя. Гнѣвъ и любовь—вотъ девизъ Гоголя—любовь къ чело-вѣку и гнѣвъ на пошлость, обезображивающую душу чело-вѣка—вотъ великій завѣтъ великаго страдальца за чистоту души человѣческой—Гоголя.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СОММАВИЛЛА

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

ФАБРИКА: Соляниковскій переулочъ, соб. д., №№ 12 и 14.

Телефонъ № 626.

МАГАЗИНЪ: Екатеринославск. ул., № 37. Телефонъ № 616.

ОТДѢЛЕНІЕ: Епархіальная улица, № 51.

ВЪ ПОЛТАВѢ: Отдѣленіе, Мало-Петр. у., возлѣ Европ. Гост.

Фирма существуетъ съ 1872 года.

ПРОИЗВОДСТВО

мраморныхъ, гранитныхъ, лабрадоровыхъ, песчаниковыхъ, мозаичныхъ, бетонныхъ издѣлій и изъ друг. строит. матеріаловъ.

УСТРАИВАЕТЪ:

Иконостасы, Кіоты, Памятники, Часовни, Лѣстницы, Подоконники, Каминны, Полы, Балконы и Балюстрады.

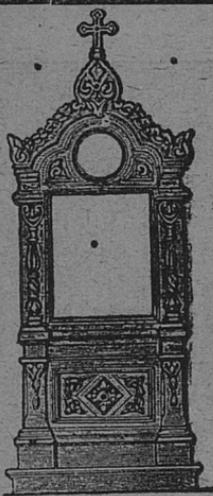
СКУЛЬПТУРНО-АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ РАБОТЫ.

Цементово-Бетонное производство съ желѣзною прикладкою по системѣ МОНЬЕ и КЕНЕНА: несгораемые своды, потолки, стѣны, сараи и прочія постройки.

Канализаціонныя трубы, Колодцы, Выгребы и Фонтаны.

БЕТОННЫЕ и ГРАНИТНЫЕ ТРОТУАРЫ.

Смѣты и чертени высылаются по требованію.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

П. Е. МАЛИКОВА

(существуетъ съ 1870 г.).

Исполняетъ заказы **иконостасовъ** и **кіотовъ**, живописи **иконъ**, реставраціи древнихъ **иконъ** и **позолоты**.

Работы исполняются аккуратно съ ручательствомъ.

Допускается **РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА**.

Адресъ: г. Кіевъ. Вознесенскій сп., № 35 (возлѣ духовной семинаріи).

Къ осеннимъ экзаменамъ на священника, діакона, псаломщика и учителя ц.-прих. школъ готовятъ студенты **М. Ѳ. Матвіевскій**, **Г. М. Съвницкій** и **Д. М. Ломакинъ**.

Занятія груп., нач.—10 іюня. Полтава, Ивановская, 38.

СОДЕРЖАНИЕ: I.—«Многоскорбная» Княгиня-Праведница, Св. Преподобная Анна Кашинская (продолженіе)—II. Въ день Св. Троицы.—III. Слово живого духа.—IV. Къ вопросу объ оживленіи церковной проповѣди (старая истина).—V. Воодушевленное начало Пастырско-Миссіонерскаго Бружка.—VI. Н. В. Гоголь (1809—1809). Критико-біографическій очеркъ. (Продолженіе).—VII. Памяти Н. В. Гоголя. (Окончаніе).—VIII. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи:

}	<i>В. Терлецкій.</i>
	<i>В. Конопатовъ.</i>

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 10 мая 1909 г.

Полтава, Типогр. Торговаго Дома И. Фришбергъ и С. Зороховичъ.

